

Сихимбаева Д.А.¹, Шынгысбаев Л.С.²

¹доктор PhD, и.о. доцента, e-mail: alpesh8302@gmail.com

²докторант 1 курса, e-mail: lesken01kz@gmail.com

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СВЕТСКОСТИ: ОПЫТ КАЗАХСТАНА

Данная статья посвящается методологическим подходам и концептуальным основам в определении светскости в западной политической мысли. Общеизвестно, что понятия «светскость» и «секуляризм» формируются и развиваются в силу исторических, социально-политических, экономических и культурных особенностей каждого общества. Различные факторы, социальные трансформации и изменение роли религии в общественном пространстве вносят свои коррективы в содержания данных понятий. В этой связи в данной статье авторы рассматривают две основные траектории или две стратегии управления взаимоотношений между религией и политикой, которые повлияли на модели светскости в современном мире. В статье дается четкое объяснение и разграничение понятиям «светскость», «принцип светскости», «секуляризм», «секуляризация». Авторы анализируют основные модели и интерпретации секуляризма и социально-политические факторы, которые влияют на определенную модель светскости. В статье также рассматривается современная религиозная ситуация и политика Республики Казахстан в сфере религии. Авторы анализируют опыт государственной политики в определении принципов и критерий светскости в Казахстане и представляют рекомендации по усовершенствованию определений принципов светскости.

Ключевые слова: секуляризм, светскость, государственная политика, религия, принцип, Казахстан.

Sikhimbaeyva D.A.¹, Shingispaev L.S.²

¹PhD, Associate Professor, e-mail: alpesh8302@gmail.com

²Doctoral Student, e-mail: lesken01kz@gmail.com
al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

The basic methodological approaches to the definition of secularism: the experience of Kazakhstan

This article is devoted to methodological approaches and conceptual foundations in the definition of secularism in Western political thought. It is well known that the concepts of secularism and secularism are formed and developed due to the historical, socio-political, economic and cultural characteristics of each society. Various factors, social transformations and changes in the role of religion in the public space make their own adjustments to the content of these concepts. In this connection, in this article, the authors consider the main two main trajectories or two strategies for managing the relationship between religion and politics, which influenced the models of secularism in the modern world. The article provides a clear explanation and distinction between the concepts of «secularism», «the principle of secularism», «secularization». The authors analyze the main models and interpretations of secularism and socio-political factors that influence a certain model of secularism. The article also discusses the current religious situation and policy of the Republic of Kazakhstan in the field of religion. The authors analyze the experience of state policy in determining the principles and criterion of secularism in Kazakhstan and provide recommendations for improving the definitions of secularism principles.

Kew words: secularism, secularity, state policy, religion, principle, Kazakhstan.

Сықымбаева Д.А.¹, Шыңғысбаев Л.С.²

¹PhD, доцент м.а., e-mail: alpesh8302@gmail.com

²1 курс докторанты, e-mail: lesken01kz@gmail.com

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

Зайырлылықты анықтаудағы негізгі методологиялық тәсілдемелер: Қазақстан тәжірибесі

Осы мақала батыстық саяси ойдағы секуляризмнің әдістемелік тәсілдері мен тұжырымдамалық негіздерін анықтауға арналған. Әрбір қоғамның тарихи, әлеуметтік-саяси, экономикалық және мәдени ерекшеліктеріне байланысты «секуляризм» және «зайырлылық» ұғымдары қалыптасып, дамығаны белгілі. Қоғамдық кеңістіктегі түрлі факторлар, әлеуметтік өзгерістер мен дін роліндегі өзгерістер осы тұжырымдамалардың мазмұнын түзетеді. Осыған байланысты осы мақалада авторлар негізгі екі траекторияны немесе қазіргі әлемдегі зайырлы модельдерге ықпал ететін дін мен саясат арасындағы қарым-қатынасты басқарудың екі стратегиясын қарастырады. Мақалада «зайырлылық», «зайырлылық қағидаты», «секуляризм», «секуляризация» ұғымдары арасындағы айырмашылығына түсіндірме беріледі. Авторлар секуляризмнің белгілі бір моделіне әсер ететін секуляризмнің және әлеуметтік-саяси факторлардың негізгі модельдері мен интерпретацияларын талдайды. Сондай-ақ, мақалада қазіргі діни жағдай және дін саласындағы Қазақстан Республикасының саясаты талқыланады. Авторлар Қазақстандағы зайырлылық қағидаттары мен критерийлерін анықтауда мемлекеттік саясат тәжірибесін талдайды және зайырлылық принциптерін анықтау бойынша ұсыныстарды ұсынады.

Түйін сөздер: секуляризм, зайырлылық, мемлекеттік саясат, дін, принцип, Қазақстан.

Введение

Современные процессы десекуляризации, возвращение религии в публичное пространство ставят перед демократическими светскими государствами сложные задачи, требующие переосмысления и нового подхода к концептуализации понятий светскости и секуляризма. В мировом масштабе с середины 20 века в определении роли и места религии в обществе доминировала теория секуляризации, которая предсказывала неизбежный упадок общественного влияния религии. Социальные науки, развивая теорию секуляризации, в один голос твердили о маргинализации религии, повсеместном вытеснении религий из общественного пространства в частное, в связи с модернизационными процессами. Однако, постсекулярная реальность, которая характеризуется религиозным динамизмом во всем мире, возвращением религии в политику, экономику, культуру и в публичное пространство стало серьезным вызовом политикам и ученым всего мира. Знаковая фигура в современных дискуссиях о (де)секуляризации Питер Бергер утверждает, что «сегодня мир, за некоторыми исключениями... столь же яростно религиозен, как и был всегда»; «нынешний мир массово религиозен и никоим образом не является тем секуляризованным миром, который предсказывали... столь многие аналитики современности», а «эксперименты с секуляризованной религией в целом провалились» (Berger, 1999: 2).

В связи с вышеуказанными процессами проблемы светскости, роли и места религии в постсекулярном обществе становятся наиболее обсуждаемыми не только среди ученых социальных наук, но и в более широком публичном пространстве. За последние 30-40 лет в мире наблюдается значительный рост исследований в области политологии, международных отношений, социологии и социальной антропологии, посвященных изучению различных паттернов светскости и секуляризма, (де)секуляризационных процессов, постсекулярного общества. Казахстан в этом отношении остается в состоянии «культурного отставания». В казахстанской научной литературе отсутствует обстоятельное изучение понятий «светскость», «принцип светскости», «секуляризм», «секуляризация», различные типы и модели светского государства, не говоря о таких актуальных и наиболее обсуждаемых темах в мировом научном сообществе, как «десекуляризация» и «постсекулярное общество». Все это накладывает определенный отпечаток на общественный дискурс о светском государстве, который является либо очень поверхностным и однобоким, либо практически отсутствует.

Политическая элита, власть больше тяготеет к узкому пониманию принципа светскости государства, что, на наш взгляд, является последствием советского идеологического понимания роли религии в обществе и незнания различных типов и моделей светского госу-

дарства и фундаментальных научных работ о правовой и политической природе секуляризма. Не поощряются и запрещаются публичные проявления религии в государственных учреждениях, целесообразность которых объясняется и оправдывается принципом светскости государства. На наш взгляд, решение всех этих выше указанных проблем в сфере религиозной политики лежит в более глубоком, всестороннем понимании принципа светскости, в аналитическом различии понятий светскость, секуляризм и секуляризация, а также в концептуализации, разработке и развитии либерального понимания секуляризма. В этой связи, рассматривая и анализируя ключевые работы по секуляризму и светского государства, попытаемся восполнить пробел в данной сфере и предложить более либеральный подход к пониманию светскости.

Основные подходы к пониманию светскости: европейская и американская традиции

Принцип светскости государства – это один из основополагающих принципов построения и функционирования современного правового государства в большинстве стран мира (Понкин, 2014: 25). Согласно индексу режимов государственно-конфессиональных отношений из 197 государств 12 государств являются религиозными, 60 государств с официальными религиями, 5 государств с антирелигиозной идеологией, 120 государств закрепили принцип светскости на законодательном уровне (Кигу 2009: 12). Каждые из этих государств по-своему понимают и трактуют принцип светскости, исходя из особенностей сложившейся религиозной ситуации и общественного дискурса о месте и роли религии в публичном пространстве.

Общеизвестно, что понятия «светскость» и «секуляризм» формируются и развиваются в силу исторических, социально-политических, экономических и культурных особенностей каждого общества. Различные факторы, социальные трансформации и изменение роли религии в общественном пространстве вносят свои коррективы в содержания данных понятий. На протяжении двух веков появлялось и развивалось множество моделей и интерпретаций секуляризма. В современном мире идут общественные и академические дискурсы по поводу, каким должно быть или не должно быть светское государство. Именно, последние в большинстве случаев и определяли характер и направленность

политики секуляризма в отдельных демократических странах.

Не углубляясь в подробности истории развития данных понятий, однако, коротко отметим, что концепты «секуляризм» и «светскость» в современном их понимании были порождением долгих противостояний и взаимоотношений церкви и государства. Концептуальные основы секуляризма формировались в контексте западноевропейской социально-политической реальности в результате сложных взаимоотношений двух институтов. Так, например, известный социолог Хосе Казанова утверждает, что любое рассуждение о светском должно начинаться с признания того, что данное понятие впервые появилось как теологическая категория в Западном христианском мире (Casanova, 2006: 7-22).

Известный ученый Элизабет Шакмен Хеард по этому поводу отмечает два основных траекторий или две стратегий управления взаимоотношений между религией и политикой, которые являются влиятельными в области международных отношений: лаицизм и иудео-христианский секуляризм. Первая из них относится к сепарационному нарративу, в котором религия полностью устраняется от политики. Вторая относится к аккомодационному нарративу, в котором иудео-христианской традиции отводится особое место в публичном пространстве как уникальной основе секулярной демократии. Обе эти формы секуляризма являются непоследовательными, поскольку данные традиции трансформировались и видоизменялись в зависимости от распространения в геокультурных ареалах. Элизабет Шакмен Хеард поясняет, что каждый из них защищает некоторую форму отделения церкви от государства, но имеют различные подходы и обоснования, результаты которых дают совершенно различные политические эффекты. Целью лаицизма (от франц.) является создание нейтрального общественного пространства, где религиозная вера, практика и институты не будут иметь какое-либо политическое значение и где они будут находиться вне политического соревнования или же будут вытеснены на частную сферу. Согласно лаицизму, смешивание политики и религии считается нерациональным и опасным. Данная стратегия, которая уже является традицией и обыденным восприятием взаимоотношений религиозных организаций и государства в отдельных странах, препятствует видеть явные ограничения этого подхода.

Вторая традиция секуляризма, Иудео-христианский секуляризм, в отличии от лаицизма,

не стремится устранить религию, ну или по крайней мере иудео-христианство от общественной жизни. Данная стратегия не рассматривает светское и религиозное как две взаимоисключающие сферы, как это понимает лаицизм.

Эти традиции или две основные стратегии развития секуляризма в той или иной степени повлияли на различные модели разделения государства и религиозных институтов в современном мире.

Американский ученый Ахмет Куру считает, что секуляризм в целом нужно разделять на активный и пассивный. В своей фундаментальной работе «Секуляризм и государственная политика по отношению к религии» автор утверждает, что государственная политика по отношению к религии является результатом идеологической борьбы между «пассивными секуляристами» и «активными секуляристами» (Куру, 2009а: 36). Результаты этой идеологической борьбы формируют религиозную политику и определяют место религии в общественном пространстве. Пассивный секуляризм требует, чтобы государство играло «пассивную» роль во избежание утверждения какой-либо религии в качестве основной и позволяет свободному общественному проявлению религии. Активный секуляризм, наоборот, означает, чтобы государство исключало религию из общественной сферы и играло «активную» роль как основной актер проекта социальной инженерии, который будет заключать религию в частной сфере. Пассивный секуляризм – это прагматический политический принцип, который старается поддерживать государственную нейтральность по отношению к различным религиям, тогда как активный секуляризм – это «всесторонняя доктрина», целью которой является полное исключение религии из общественной сферы (Rawls, 1996: 162).

Питер Бергер выделяет три варианта развития секуляризма. Во-первых, существует умеренный вариант, характерный для традиционного американского взгляда на разделение церкви и государства. Затем существует более радикальный вариант, представленный французской *laicite*, в котором религия одновременно ограничивается приватной сферой и защищается законодательством о религиозной свободе. И, наконец, существует секуляризм (как в советской ситуации), который приватизирует религию и стремится ее подавить; и его приверженцы могут быть столь же фанатичными, как и религиозные фундаменталисты (Бергер, 2012: 8-20).

По мнению канадских ученых Хосе Верлинга и Розали Юкьер, говоря о секуляризме, можно выделить два его значения: «жесткий секуляризм» и «открытый секуляризм». Жесткая интерпретация секуляризма делает упор на принципе нейтральности, нежели свободе совести и религии, стремясь вытеснить религию в частную сферу, освобождая общественное пространство от всяких проявлений религии. Более гибкая интерпретация, или «открытый» секуляризм, наоборот, основана на принципе защиты свободы религии. В данной модели нейтральность государства реализуется посредством разделения церкви и государства как способа достижения уважительного отношения к религии и моральному равенству, свободы совести и религии. В открытом секуляризме любое напряжение или противоречия должны решаться в пользу свободы и равенства религий (Woehrling, Jukier, 2010: 185).

Канадские ученые выделяют четыре основных принципа, которые конструируют любую модель секуляризма: моральное равенство всех людей; свобода совести и религии; нейтралитет государства по отношению к религии; и разделение церкви и государства. Однако на практике содержание секуляризма определяются в зависимости от того, на какой принцип будет сделан акцент и как он будет интерпретироваться (Woehrling, Jukier 2010: 185).

Г. Бучард и Ч. Тайлор утверждают, что мы не можем определить секуляризм через такие простые и определенные формулы как «разделение церкви и государства», «нейтральность государства по отношению к религии» или «отстранение религии от публичного пространства», хотя все эти формулы и составляют определенную часть истины (Bouchard, Taylor, 2008).

По мнению Чарльза Тэйлора, «не существует определенного набора вневременных принципов светскости, которые могли бы во всех деталях соответствовать любой политической системе; (б) контексты могут очень сильно различаться, и, соответственно, реализация обговоренных общих принципов требует конкретизации; то есть некоторая степень проработки в любом случае необходима» (Тэйлор 2015: 218). Он считает, что «вопросы, касающиеся светскости, эволюционировали в различных западных обществах на протяжении последних десятилетий, потому что представленные в данных обществах веры претерпевали изменения. Мы вынуждены изменить привычный способ действия в тот момент, когда спектр религий или базовых философских по-

зий расширяется. Это, например, произошло в современной Европе и Америке вместе с возникновением там сплоченных сообществ мусульман» (Тэйлор, 2015: 220).

Сравнительный анализ большинства светских стран показывает, насколько идея светского государства является гибкой (Martínez-Torres, Durham 2010: 2-18).

Религии в постсекулярном контексте

Современные модернизационные процессы во всех сферах социальной жизни привели к радикальному изменению роли и места религии в общественном пространстве. Если во многих западноевропейских странах модернизация общества сопровождалась упадком религиозного влияния и постепенного угасания религиозного сознания, то в постсоветских обществах она сопровождается религиозным возрождением.

Анализируя современный глобальный религиозный всплеск, Питер Бергер отмечает две мощнейшие тенденции в мировом масштабе – возрождающийся ислам и динамичный протестантизм евангелического толка. «Пассионарные исламские движения сейчас на подъеме по всему мусульманскому миру от Атлантического океана до Китайского моря, в том числе и в мусульманской диаспоре на Западе. Рост евангелического протестантизма в меньшей мере привлекает внимание интеллектуалов, средств массовой информации и широкой общественности в западных странах, с одной стороны, потому что он нигде не был связан с насилием, а с другой, отчасти потому, что он более непосредственно вступает в противоречие с устоявшимися представлениями элит» (Бергер, 2012: 10).

В связи с возвращением религии в публичное пространство, в экономику, в политику переосмысление роли и места религии в обществе, проблема определения постсекулярного в последние годы становятся одними из наиболее обсуждаемыми в широком публичном пространстве. Один из крупных ученых по проблеме секуляризма и секуляризации, профессор социологии Хосе Казанова утверждает, что сегодня религии отказываются принимать абсолютную общественно-частную дихотомию и с начала 1980 годов начала требовать определенное и значимое место в общественном пространстве по всему миру (Casanova, 1994: 153).

Согласно Казанова, сегодня исключать религию из общественного пространства уже не

логично, и даже недостижимое дело (Casanova, 2006: 7-22).

По мнению Роба Уарнера, религия в 21 веке стала более конкурентоспособной, сложной и разнообразной. Процессы секуляризации существенно изменили положение и роль религии в современном мире (Warner, 2010: 182).

Религия стала мощнейшим идентификационным маркером в посткоммунистических обществах. В этой связи она является наиболее противоречивой темой в общественных и политических дискурсах.

Основные принципы и критерии светскости в РК

В Республике Казахстан за годы независимости уже сформирована национальная законодательная база регулирования государственно-конфессиональных отношений. Однако, различные глобальные угрозы и вызовы национальной интеграции и безопасности требуют определенных коррективов в государственную политику в сфере религии. А именно, современные процессы десекуляризации и деприватизации религии, растущая роль публичных религий, противоречивые взаимоотношения между этнической, национальной и исламской идентичностей, проблема распространения радикальной исламской идеологии, проблема международного терроризма и экстремизма, проблема религиозного просвещения населения в целом, и молодежи в частности. Все эти общественно важные вопросы невозможно решить односторонне, необходимы совместные усилия государственных органов и религиозных объединений, в нашем случае с традиционными религиями. Потому что традиционные религии являются важным компонентом национального духовного наследия и мощнейшим идеологическими ресурсами в нациостроительстве. В этой связи, государственная политика должна отходить от старых методологических подходов в определении роли и места религии в общественном пространстве. Необходимо определиться с основным содержанием принципа светскости, который будет определять основные направления взаимоотношений государства и конфессии. А именно, для встраивания государственно-конфессиональных отношений нам нужно опираться на более широкую, открытую и либеральную интерпретацию секуляризма.

Принцип отделения государства и религии не является универсальным и варьируется в за-

висимости от внутренних социокультурных, политических и общественных различий каждого государства. Как мы уже отмечали в предыдущих главах, несмотря на различные модели светского государства, есть два основных понимания или стратегии, которые являются основой для выстраивания государственно-конфессиональных отношений в любом светском стране. Первый вариант, так называемый пассивный (открытый) секуляризм означает, чтобы светское государство играло пассивную роль во избежание основания официальной религии, разрешает общественное проявление религии. Активный (утверждающий) секуляризм, наоборот, означает, что государство исключает религию из общественной сферы и играет ключевую роль в заключении религию в частную сферу. Таким образом, пассивный секуляризм – это прагматический политический принцип, который старается поддерживать государственный нейтралитет по отношению к различным религиям, тогда как утверждающий секуляризм – это «целая доктрина», которая направлена на исключение религии. В нашем случае, и с учетом современных тенденций в сфере религии было бы целесообразно придерживаться стратегии открытого секуляризма, что даст возможность выстроить кооперационную модель взаимодействия государства и религии. Государство не должно стараться исключить из общественной жизни религию и стараться вытолкнуть ее на периферию нациостроительства. Поступая так, государство будет проигрывать идеологическую борьбу со многими радикальными течениями. Придерживаясь агрессивной стратегии секуляризма, государство создает маргинальную группу верующих на периферии нациостроительства, которая со временем может и перейти в протестную массу.

Республика Казахстан, согласно Конституции, утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. В действующей политике государства не содержится ни антирелигиозных, ни прорелигиозных намерений. Гражданам гарантированы свобода совести, свобода вероисповедания, но недопустимы пропаганда или агитация, возбуждающая религиозную или иную ненависть и вражду (Ермегияев, Казкенов, 2002: 55).

Американские ученые Корнел, Старр и Такер считают, что казахское «взяло на себя регулирование религии, тем самым тяготея к скептической/изолирующей модели и опираясь на французский и турецкий опыт. Однако казахстанская модель проводит различия между традиционными и нетрадиционными религиозными общинами. Государственная политика недвусмысленно поддерживает и поощряет традиционные общины и направлена на то, чтобы позволить им восстановить свое положение в обществе, будучи враждебной распространению нетрадиционных религиозных влияний. Это означает, что Казахстан также заимствует элементы модели «доминирующей религии», хотя и с изюминкой: это не привилегия одной конкретной религии, как это делает большинство примеров этой модели, а традиционные религии за счет иностранных и новых интерпретаций» (Svante, Cornell, Starr, Tucker 2018).

Также, ученые считают, что «Казахстан принял все более жесткие ограничения в религиозной сфере, и после террористических актов 2011 и 2016 годов были приняты новые меры. Закон 2011 года запрещает иностранцам регистрировать религиозные организации, требует регистрации мест отправления культа и запрещает проведение религиозных служб в частных домах – практика, общая для более секретных религиозных групп. Закон также обязывает религиозные общины перерегистрироваться в государстве и требует минимального числа взрослых членов для регистрации на местном, провинциальном и национальном уровнях. В результате некоторые более мелкие или менее устоявшиеся группы не смогли зарегистрироваться. Закон также ограничивает распространение религиозной литературы, требуя одобрения со стороны Агентства по делам религий» (Svante, Cornell, Starr, Tucker 2018).

По мнению ученых, события последнего десятилетия привели власти Казахстана к выводу о том, что они недооценили угрозу, создаваемую экстремистскими религиозными группами. Власти начали пересматривать законы и политику, которые привели к вмешательству государства в дела отдельных лиц и общин, которых власти считают экстремистскими или нетрадиционными. Это является одной из причин западной критики, направленной против Казахстана. В то же время ученые утверждают, что другая причина этой критики это философское несогласие: западные защитники поддерживают полную религиозную свободу и нейтралитет государства по отношению к религии, принимая только вмешательство против групп, участвующих в насилии или подстрекающих к нему. Но казахстанские

власти действуют на основе иного принципа, согласно которому, государство обязано регулировать религиозные дела, обеспечивать возрождение традиционных религиозных общин, обеспечивать стабильность и гармонию в обществе (Svante, Cornell, Starr, Tucker 2018).

Существует еще ряд факторов и некоторые тенденции, повлиявшие на существенное изменение и ужесточение государственной политики в сфере религии и укрепления светских основ. Согласно Концепции государственной политики в сфере религии на 2017-2020 годы, следующие тенденции требуют решения со стороны государства, и что вполне обосновано:

– «Имеют место отказы отдельных граждан исполнять конституционные и гражданские обязанности перед обществом. Участились случаи проявления неуважительного отношения к законам, государственным символам страны, национально-культурным традициям народа, а также общепринятым нормам этики и поведения.

– Отмечаются случаи нарушения требований по недопущению ношения религиозной атрибутики в организациях образования, непосещения по субботам учебных занятий, а также отказа от изучения отдельных предметов учащимися под влиянием родителей (законных представителей), которые придерживаются излишне консервативных религиозных взглядов.

– Имеют место факты отказов родителей от медицинской вакцинации детей по надуманным религиозным мотивам.

– Участились случаи заключения брачного союза мужчин и женщин по религиозным обрядам и церемониям без регистрации в соответствующих государственных органах. Пропагандируются архаичные семейные ценности, противоречащие современному положению женщины в семье, ее социальной активности и занятости, гендерному равенству.

– Высокая степень конфликтности свойственна последователям деструктивных религиозных течений, носителям чуждых для Казахстана ценностей, представляющих опасность для общества, наносящих ущерб здоровью, психическому и материальному благополучию граждан, противопоставляющих свои религиозные предпочтения и взгляды светским принципам государства и традиционным духовным ценностям.

– Культивируемое ими насаждение фундаментализма и радикализма является реальной угрозой стабильности казахстанского общества и государства, ведет к расшатыванию единства народа Казахстана, духовной традиционной

культуры и идентичности, нарушению прав представителей других конфессий.

– Наблюдаются случаи провоцирования представителями радикальных религиозных течений конфликтов с официальным духовенством.

– Имеются факты выражения некоторыми верующими упреков и обвинений в адрес тех, кто не разделяет их религиозных взглядов» (Концепция государственной политики в религиозной сфере Республики Казахстан на 2017-2010 годы).

В Концепции определены три основных приоритета развития государственной политики в религиозной сфере, в числе которых является укрепление светских принципов развития государства.

В концепции дается детальное объяснение принципов светскости, что в целом направлено на укрепление светских устоев государства и функционировании государственных институтов.

Заключение

Статья 1 Раздела I Конституции (Основного Закона) Республики Казахстан гласит, что «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы», закрепляет один из принципов построения и функционирования казахстанского государства. Согласно данному тезису в республике не существует официальной государственной религии и ни одно из вероучений не признается обязательным или предпочтительным. Государство в равной мере относится ко всем конфессиям и вероисповеданиям. Все религии и конфессии признаются равными перед законом, однако в Законе о религии от 11 октября 2011 года признаются историческая роль ислама ханафитского направления и православного христианства в развитии культуры и духовной жизни народа. Казахская модель светскости тяготеет больше к французской и турецкой модели, так называемый «лаицизм», которая относится к сепаративному нарративу, где религия полностью устраняется от политики. Данная модель имеет и свои социально-политические, исторические и культурные особенности, которые направлены в первую очередь на сохранение межэтнических и межконфессиональных отношений.

Литература

- Бергер П. (2012) Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь. – М. №2(30). – С. 8-20.
- Ермегияев А., Казенков К. (2002) Религиозные процессы в Казахстане: необходимость аналитического, дискуссионного поля, диалога взаимодействий // Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Алматы. – С. 54-62.
- Понкин И.В. (2014) Светскость государства. М. 466 с.
- Тейлор Ч. (2015) Что такое светскость? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. №1(33). – С. 218-253.
- Berger P. (1999) The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Berger P.L. (ed.). Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans. 135 p.
- Bouchard G., Taylor C. (2008) Building the Future: A Time for Reconciliation (Quebec City: Government of Quebec). [Electronic Resources]. URL: <http://www.accommodements.qc.ca/documentation/rapports/rapport-final-integral-en.pdf> (viewing: 20.04.2019)
- Casanova J. (1994) Public Religions in Modern World. Chicago; London, University of Chicago Press. 330 p.
- Casanova J. (2006) Rethinking Secularization: Global Comparative Perspective. Hedgehog Review. Critical Reflection on Contemporary Culture. pp. 7-22.
- Hurd E. (2008) The Politics of Secularism in International Relations. –Princeton and Oxford: Princeton University Press. p. 5.
- Kuru A.T. (2009) Secularism and State Policies toward Religion: The USA, France and Turkey. 259 p.
- Martínez-Torrón J., Durham W.C. (2010) Rr. Religion and Secular State. Interim National Reports. XVIIIth International Congress of Comparative Law. The International Center for Law and Religion Studies Brigham Young University Provo, Utah. pp. 2-18.
- McClay Willfried S. (2007) Nationalism and Religion in a Globalizing World. A Multiple Modernities Perspective. In Faith Based Radicalism. Brussels. pp. 25.
- Rawls J. (1996) Political Liberalism. Columbia University Press. 464 p.
- Svante E. Cornell, S. Frederick Starr and Julian Tucker (2018) Religion and Secular State in Kazakhstan. [Electronic Resources]. URL: <http://isdpeu/publication/religion-secular-state-kazakhstan/> (viewing: 22.04.2019)
- Warner R. (2010) Secularization and its Discontents. Newgen Imagine Systems Pvt Ltd. 221 p.
- Woehrling J., Jukier R. (2010) Religion and the Secular State in Canada. Interim National Reports. XVIIIth International Congress of Comparative Law. The International Center for Law and Religion Studies Brigham Young University Provo, Utah. pp. 185-198.

References

- Berger P. (1999) The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Berger P.L. (ed.). Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans. 135 p.
- Berger P. (2012) Falsificirovannaya sekulyarizatsiya. Gosudarstvo, religiya, cerkov [Falsified secularization. State, religion, Church]. M. no 2(30). pp. 8-20.
- Bouchard G., Taylor C. (2008) Building the Future: A Time for Reconciliation (Quebec City: Government of Quebec). [Electronic Resources]. URL: <http://www.accommodements.qc.ca/documentation/rapports/rapport-final-integral-en.pdf> (viewing: 20.04.2019)
- Casanova J. (1994) Public Religions in Modern World. Chicago; London, University of Chicago Press. 330 p.
- Casanova J. (2006) Rethinking Secularization: Global Comparative Perspective. Hedgehog Review. Critical Reflection on Contemporary Culture. pp. 7-22.
- Hurd E. (2008) The Politics of Secularism in International Relations. – Princeton and Oxford: Princeton University Press. p. 5.
- Kuru A.T. (2009) Secularism and State Policies toward Religion: The USA, France and Turkey. 259 p.
- Martínez-Torrón J., Durham W.C. (2010) Rr. Religion and Secular State. Interim National Reports. XVIIIth International Congress of Comparative Law. The International Center for Law and Religion Studies Brigham Young University Provo, Utah. pp. 2-18.
- McClay Willfried S. (2007) Nationalism and Religion in a Globalizing World. A Multiple Modernities Perspective. In Faith Based Radicalism. Brussels. pp. 25.
- Ponkin I.V. (2014) Svetskost gosudarstva [Secularism of the state]. M. 466 p.
- Rawls J. (1996) Political Liberalism. Columbia University Press. 464 p.
- Svante E. Cornell, S. Frederick Starr and Julian Tucker (2018) Religion and Secular State in Kazakhstan. [Electronic Resources]. URL: <http://isdpeu/publication/religion-secular-state-kazakhstan/> (viewing: 22.04.2019)
- Taylor Ch. (2015) Shto takoye svetskost? [What does secularism mean?] // Gosudarstvo, religiya, cerkov v Rossii i za rubezhom [State, religion, Church in Russia and abroad]. No1(33). pp. 218-253.
- Warner R. (2010) Secularization and its Discontents. Newgen Imagine Systems Pvt Ltd. 221 p.
- Woehrling J., Jukier R. (2010) Religion and the Secular State in Canada. Interim National Reports. XVIIIth International Congress of Comparative Law. The International Center for Law and Religion Studies Brigham Young University Provo, Utah. pp. 185-198.
- Yermegiyayev A., Kazenkov K. (2002) Religioznye process v Kazakhstane: neobkhodimost analiticheskogo, diskussionnogo polya, dialoga vzaimodeystviy [Religious processes in Kazakhstan: the need for analytical, discussion field, dialogue of interactions] // Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii [Collection of materials of the international scientific-practical conference]. Almaty. pp. 54-62.